

Г. В. Судаков

А. А. Шахматов об историческом словаре русского языка и современная лексикографическая практика

В статье рассмотрен проект исторического словаря русского языка, созданный А. А. Шахматовым в 1885–1887 гг. и изложенный в его переписке с И. В. Ягичем. Это первый в отечественном языкознании опыт предварительно сформулированной лексикографической концепции; идеи знаменитого Словаря Грота – Шахматова были впервые высказаны при выработке программы исторического словаря. Шахматов считал необходимым использовать большой круг источников, по-новому представлял структуру и объем словарной статьи. Он предложил схему организации словарного коллектива. В статье в свете шахматовского проекта оценивается современная практика создания исторических словарей, в частности «Словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)». Для его составления избран период русского средневековья (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). Разнообразен круг источников Словаря, авторы хотят дать представление о составе разговорного словаря Московской Руси. Реализуется функционально-жанровый подход к лексическому материалу. Достаточно подробно разработана словарная статья, фактически она приближается к лексикологическому этуду. Это сближает разработку слова в СОЯ со словарными статьями в Словаре Грота – Шахматова.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, исторический словарь русского языка, словарная статья, функционально-жанровый подход.

G. V. Sudakov

A. A. Shakhmatov about the Historical Dictionary of the Russian Language and Modern Lexicographic Practice

The article deals with the project of the Russian language's historical dictionary which was created by A. A. Shakhmatov in the period from 1885 till 1887 and was examined in his correspondence with I. V. Yagitch. It was the first attempt of the previously formulated lexicographic concept in the Russian linguistics; the basic ideas of the famous dictionary by Grot and Shakhmatov were for the first time expressed in the development of the programme of the historical dictionary. Shakhmatov considered it necessary to use a large range of sources, represented the new structure and volume of the dictionary entry. He proposed a scheme of the organization of the dictionary authors' team. Being taken into consideration in this article, Shakhmatov's project encourages evaluation of modern practice of creating historical dictionaries, in particular "the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Rus' (Grand Principality of Moscow) (XVI–XVII centuries)". The medieval period of Russia (from the second half of the XVI century till the first third of the XVIII century) was chosen for this dictionary. The range of sources for the dictionary is rather diverse; the authors try to give an idea of the structure of the spoken vocabulary of Muscovite Russia. The functional-genre approach to the analysis of the lexical material is carried out. The dictionary entry is sufficiently developed in detail, in fact, it is close to lexical studies. This brings the development of the lexeme in "the Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Rus' (XVI–XVII centuries)" close to the vocabulary entries in the dictionary by Grot and Shakhmatov.

Keywords: A. A. Shakhmatov, Historical Dictionary of the Russian Language, a dictionary entry, a functional and genre approach.

Концепция исторического словаря русского языка сложилась у Шахматова в период обучения в Московском университете, когда он занимался фонетическим и морфологическим анализом древнерусских памятников. Подготовительную работу он начал раньше и к 1885 г. уже имел 4 большие тетради выписок из грамот и летописей. На идею словаря, возможно, навел его И. В. Ягич, который 17 января 1885 г. писал ему: «Было бы очень желательно, чтобы Вы к тексту в самом конце его прибавили словарь по крайней мере всех замечательных слова» [5, с. 52]. Ягич первым поддержал и идею самостоятельного исторического словаря: «...пора и в самом деле поставить русскую филологию на прочную историческую почву» [5, с. 58]. Уверенность в необходимости такого словаря крепнет у Ягича и после ознакомления в феврале 1887 г. с «Материалами...» Срезневского: «Я теперь получаю корректуры «Материалов для древнерусского языка И. И. Срезневского и убеждаюсь в их сравнительной бесполезности» [5, с.

61]. А в начале апреля 1887 г. он пишет Потебне о Шахматове: «Ему принадлежит почин в затее исторического словаря русского языка» [5, с. 85].

Лексикографические идеи Шахматова восстанавливаются на основе его переписки с В. Ягичем, где изложены история предприятия, содержание проекта и технология его осуществления, возможный состав участников. Имелся написанный Шахматовым проект программы и список памятников, эти бумаги были разосланы предполагаемым редакторам зимой 1887 г.; к сожалению, пока эти материалы не обнаружены. Некоторые замечания по программе имеются в письме Ягича от 7.02.1887 [5, с. 60]. Программа упоминается в письме Ягича Потебне в начале апреля 1887 г. [5, с. 85–86]. Программа не была опубликована, так как участники по предложению Фортунатова решили, «что только опыт может дать годную программу» [5, с. 87]. По предложению Ягича предполагалось также «устано-

вить общие правила, которыми бы регулировалось все дело» [3, с. 119].

Концепция А. А. Шахматова в отношении исторического словаря русского языка значима по ряду обстоятельств: 1) это первый опыт предварительно сформулированной лексикографической концепции; многие идеи знаменитого, хотя и не законченного СРЯ Грота – Шахматова были впервые предложены и аргументированы при выработке и обсуждении программы исторического словаря; 2) Шахматов считал необходимым иметь для отбора иллюстраций большой фонд источников, не ограничиваясь традиционным кругом памятников конфессионального содержания; 3) он иначе, чем его предшественники, представлял структуру и объем словарной статьи; 4) по Шахматову, словарная работа, особенно по созданию исторического словаря – это коллективный труд, руководить которым должны «люди с именем и авторитетом в науке», и он предложил схему организации такого коллектива, впервые продемонстрировав незаурядные качества научного администратора.

1. «Собирание материалов для исторического словаря русского языка», для чего необходимо «привлечь к участию в этом деле как можно более лиц»; распределение памятников для расписки между участниками: Шахматов – грамоты XII–XV вв., Козловский – грамоты XVI–XVII вв, Щепкин – жития русских святых, Григорьев с Ляпуновым (они работали в Харькове у Потебни) «взяли бы... русские летописи и по мере сил приготовили бы к ним частный словарь» [5, с. 63].

2. Приглашение «людей с именем и авторитетом в науке» (И. В. Ягича, Ф. Е. Корша, Ф. Ф. Фортунатова, Потебню (отказался), А. И. Соболевского, Брандта) для руководства в предстоящих словарных работах. Они должны были определить метод составления, выбор памятников, осуществлять редакторство.

3. Определение территориальных границ исторического словаря: по Шахматову, – «сделать его не только общерусским, но и общеславянским»; по Потебне, – «ввиду громадности задачи, б. м. практичнее было бы выделить в особый словарь юго-западный язык XIV–XVII в.» [3, с. 117]. Позднее в СРЯ Грота – Шахматова к основным русским словам будут приведены параллели из других славянских языков.

4. Составить список памятников: «на первом плане будут грамоты, законы, летописи, жития русских, поучения, написанные русскими». Внимание к грамотам – это заслуга именно А. А. Шахматова, в 1886 г. он издает «Исследования о языке новгородских грамот XII и XIV вв.». Заметив, что в списке источников есть сочинения митрополита Киприана и Пахомия Логофета, Ягич предположил, что нет разницы между трудами их и настоящими русскими и что нужно составить еще один список: «на втором плане сочинения общего содержания (вся церковная, догматическая и т. д. литература), насколько они существуют в русских редакциях или составлены русскими авторами, например, сочинения Кирилла Туровского... древнейшие такого рода сочинения (напр. Остромирово евангелие, Изборник 1073) должны войти целиком, из позднейших же (напр.

разных списков библейских текстов) только разночтения, появившиеся должно быть на русской почве» [5, с. 60].

5. Информационная поддержка: опубликование программы и списка руководителей (было отложено по совету Ягича).

6. Координация и план работы: вначале «составлять словари к памятникам до XIV в. включительно, чтобы таким образом исчерпать толком хотя бы один отдел; таким образом, наш кружок сомкнется и новые элементы будут присоединяться к нему лишь по личной рекомендации и апробации редакторов»; «четыре человека, усердно и умело занимающиеся, могли бы заменить 10 случайных сотрудников» [3, с. 119].

7. Новаторская идея издания пробного словаря: «нужен ли он и каков должен бы быть его состав?» [3, с. 120].

Замысел был чрезвычайно актуальным и технически хорошо продуманным, хотя Шахматову тогда исполнился всего лишь 21 год. Идея исторического словаря окончилась сбором предварительных материалов, которые хранятся в ф. 134 Архива РАН. Дальше работа не имела продолжения по ряду причин. Надо иметь в виду, что первый том «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского вышел в свет только в 1893 г., уже после смерти ученого, а с 1889 по 1911 г. «Материалы...» издавались под наблюдением как раз А. А. Шахматова.

Размышления над проектом исторического словаря не были напрасными: концепция словаря затем, после смерти Я. К. Грота, была усовершенствована во время подготовки и издания знаменитого «Словаря русского языка». В 1897 г. Шахматову поручили возглавить работу над «Словарем русского языка». Шахматов был сторонником полного словаря, то есть в нем должна быть лексика литературного и делового языка, «словарный состав, представляемый живыми говорами... слова церковнославянские, которые употребляются нашими духовными писателями или встречаются в русских переводах книг Св. Писания... научные и технические термины» [СРЯ: с. VI–VII]. Кроме того, поражает своим объемом цитатный раздел словарной статьи: «Максимум цитат был его основным принципом», – заметил Л. В. Щерба [8, с. 74]. Как известно, «Словарь русского языка» Грота – Шахматова был доведен по букву И, его издание было прервано в связи с кончиной А. А. Шахматова.

Оценим, насколько соответствует концепции юного лексикографа А. А. Шахматова современная лексикографическая практика. Развитие исторической лексикологии требует создания большого (с максимальным охватом источников) старорусского словаря XIV–XVII вв. и целого ряда частных словарей того же периода: словаря языка Москвы и некоторых других регионов, словаря делового языка, словаря книжнославянского языка периода второго южнославянского влияния. Уже сейчас очевидна нужда в диалектном словаре XIV–XVII вв. или только XVII в. Это потребует максимального учета разнотипных источников, дальнейшего раз-

вития лингвистического источниковедения, новых издательских проектов.

Рассмотрим, как решаются эти проблемы в реализуемом коллегами в Санкт-Петербургском университете «Словаре обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)» (далее – СОРЯ).

Концепция этого словаря формировалась постепенно и окончательно определилась после достаточной апробации. Хронологическая канва событий такова: 2000 год – «Проект СОРЯ. Под ред. О. С. Мжельской», в значительной мере основанный на идеях Б. А. Ларина; 2002 год – Материалы обсуждения СОРЯ; 2003 год – «СОРЯ: пробный выпуск»; 2004–2010 гг. – опубликованы первые три выпуска; 2011 г. – издан выпуск 4 (Гагара – Гуша). В составе этого выпуска находится «Инструкция СОРЯ» (далее – Инструкция). Это обстоятельная, тщательно продуманная и теоретически полноценная концепция исторического словаря. Здесь имеются ответы и на критику оппонентов, и на предложения доброжелателей.

Ориентируясь на Инструкцию и первые четыре выпуска, констатируем, что СОРЯ привлекателен по целому ряду обстоятельств:

1. Для его составления избирается период русского средневековья (вторая половина XVI в. – первая треть XVIII в.), хорошо обеспеченный памятниками. Желание авторов СОРЯ включить свежий иллюстративный материал вполне реализуемо, если они продолжат расписывание скорописных источников (в списке источников, используемых в выпуске 4 СОРЯ, упоминается всего 9 рукописных источников).

Разнообразен круг источников Словаря, авторы хотят дать представление о составе разговорного словаря Московской Руси. Правда, усомнимся в корректности той иерархии памятников, которую выбрали составители: 1) официально-деловые документы; 2) частно-деловые памятники; 3) частная переписка; 4) переводные тексты; 5) повести XVII в.; 6) демократическая сатира; 7) фольклор; 8) пословицы; 9) записи разговорной речи, сделанные иностранцами [1, с. 8]. Мы бы предложили, основываясь именно на концепции СОРЯ, другой порядок значимости источников: 1) частная переписка; 2) записи разговорной речи; 3) фольклор, в том числе пословицы; 4) повести XVII в., в том числе демократическая сатира; 5) деловые документы; 6) переводные тексты.

2. Заслуживает одобрения функционально-жанровый подход к лексическому материалу: а) показывается принадлежность слова к определенному функционально-стилистическому пласту лексики; б) учитывается эмоционально-экспрессивная коннотация [1, с. 27]. Привлекателен набор функционально-стилистических помет: деловое, книжно-церковное, высокое-официальное, фольклорное. Учет и эмоционально-экспрессивные пометы: ласковое, уважительное, пренебрежительное, уничижительное, ироническое, бранное.

3. Достаточно подробно разработана словарная статья. Прежде всего составители стремятся полно описать семантическую структуру слова: 1) выделить зна-

чения слова и их частные реализации; 2) установить соотношение значений и оттенков в пределах семантической структуры слова; 3) показать характерные употребления, в том числе типичную сочетаемость, жанровую предопределенность; 4) указать на отношение данного слова (значения) к другим словам (значениям); 5) дать сведения энциклопедического характера; 6) указать на слова, близкие или совпадающие по значению, и привести синонимические эмоционально-экспрессивные номинации; 7) дать не менее 2–3 цитат на каждое значение, оттенок, устойчивое сочетание. «Примеры должны содержать сведения о времени употребления слова и о распространении его на территории Московской Руси, о сфере использования слова, уточнять его грамматическую характеристику» [1, с. 41]. Даже Шахматов, который «полноту материалов ценил превыше всего и предела в этом отношении не ставил» [2, с. 63], считал бы это достаточным. Хорошо, что введена помета о количестве цитат в картотеке на каждое слово [1, с. 16].

В результате словарная статья СОРЯ приближается к лексикологическому этуду. Это очень сближает разработку слова в СОРЯ со словарными статьями в СРЯ Грота – Шахматова.

Далее скажем о наших замечаниях к Инструкции.

1. Обоснование временных границ Словаря: у авторов Проекта: XVI–XVII вв.; у Б. А. Ларина: вторая половина XVI – первая треть XVIII в. Для Б. А. Ларина был принципиален вопрос о хронологических границах начального этапа образования национального русского языка, он говорил о «характерных признаках начального этапа образования национального русского языка (устного и письменного)», правда, не назвав этих «характерных признаков». Было бы разумно попытаться назвать эти признаки, обосновав тем самым и хронологические рамки Словаря. Хотя и сам Б. А. Ларин, как нам представляется, в конце концов проектировал хронологию Словаря по одному главному основанию – период, достаточно хорошо обеспеченный «памятниками, содержащими обиходную лексику и фразеологию» [4, с. 9].

2. Сформулированные составителями основания отбора лексики для СОРЯ не слишком строги, а временами – откровенно расплывчаты. Что входит в содержание таких понятий, как «живая разговорная лексика», «народное, русское, обиходное», «общенародная обиходно-разговорная речь»? Справедливо учитывая, что «в письменных памятниках XVI–XVII вв. народная речь получила только опосредованное», хотя и достаточно широкое отражение, составители считают задачей СОРЯ «описание слов и выражений, характерных для собственно письменных форм языка»: 1) деловая письменность московских приказов, но только «слова и выражения, свойственные стилю и формуляру деловых документов» (но это очень малая часть лексического богатства деловой письменности и почему только язык московских приказов? – Г. С.); 2) этикетная фразеология частных писем (почему такое ограничение, ведь содержательная часть писем более богата обиходно-разговорной лексикой? – Г. С.); 3) лексика и фразеоло-

гия церковно-книжного языка, входившая и в обиходную речь или освоенная ею (в той же Инструкции есть и такая декларация: «Включению в словник подлежат ... все церковнославянизмы, встретившиеся в источниках Словаря» [1, с. 10]; здесь возникает два вопроса: а) все или не все церковнославянизмы включаются в словник? б) как проверяется освоенность – неосвоенность церковнославянизмов?); 4) слова и выражения, характерные для фольклора (но заметим, что фольклор не был письменной формой языка).

3. Главная проблема, не до конца разрешенная авторским коллективом, – определение границ и содержания понятия «обиходный язык». Термин был предложен Б. А. Лариным, для которого обиходный язык XVI–XVII вв. – это живая общерусская разговорная речь, представленная в памятниках, созданных на народно-разговорной основе [4]. Слишком усердное следование авторов за Б. А. Лариным заставляет определять обиходный язык тоже через определенный набор памятников: «Словарь обиходного русского языка XVI–XVII вв., основанный только на памятниках делового письма, демократической литературы, фольклорных произведениях, разговорниках, будет толковым историческим словарем этой группы памятников» [6, с. 11]. Круг источников СОРЯ заметно шире: в привлекаемых публикациях (это не только отдельные тексты, но и сборники различных текстов) есть деловые тексты общегосударственного политического звучания, конфессиональные нарративные источники и т. п. Но ведь создается словарь (собрание слов), а не список текстов. Может быть, целесообразнее отталкиваться не от списка текстов, а предварительно определить 1) перечень определенных ситуаций общения (домашний обиход, традиционные занятия посадского человека и сельского жителя и т. п.); 2) перечень тематических групп лексики.

Что касается дефиниций основных терминов, то согласимся с составителями СОРЯ, что *обиходный* – это язык, применяемый в повседневной жизни, *народно-разговорный* – язык, преимущественно употребляемый в живом разговоре, в устной речи, *общерусский* – язык, в равной мере представленный на разных территориях Московской Руси [1, с. 6].

4. Похвально намерение авторов включать в Словарь только «наддиалектное» разговорное, но не объяснены принципы выбора «наддиалектного». Например, «материалы из региональных исторических словарей вводятся в СОРЯ в полном объеме» [1, с. 9]. Как квалифицировать торговую терминологию в разговорниках: это общеразговорное или узкословное? Являются ли штампы письменной деловой речи (а они в XVI–XVII вв. многочисленны) фактами обиходного языка?

Однако, важно главное: СОРЯ – это исторический словарь принципиально нового типа, ориентированный на язык повседневного общения и раскрывающий функционально-стилистический спектр слова.

Библиографический список

1. Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков» [Текст] // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XV–XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуца. – СПб.: Наука, 2011. – С. 5–43.
2. Ковтун, Л. Я. Основная идея шахматовской лексикографии [Текст] / Л. Я. Ковтун // Вопросы языкознания. – 1971. – № 2. – С. 62–68.
3. Лаптева, О. А. Письма А. А. Шахматову к В. Ягичу об историческом словаре русского языка [Текст] / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 115–120.
4. Ларин, Б. А. Разговорный язык Московской Руси [Текст] / Б. А. Ларин // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л., 1961. – С. 22–34.
5. Переписка А. А. Шахматова с акад. И. В. Ягичем (1881–1894) [Текст] / А. А. Переписка // А. А. Шахматов. 1864–1920: сб. статей и материалов. – М.-Л., 1947. – С. 13–104.
6. Проект обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков [Текст]; под ред. О. С. Мжельской. – СПб, 2000.
7. СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. – Вып. 1–4. – С. – Петербург. – 2004–2010 (издание продолжается).
8. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] / Щерба Л. В. // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958.

Bibliograficheskij spisok

1. Instrukcija «Slovarja obihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi HV–XVII vekov» [Tekst] // Slovar' obihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi HV–XVII vekov. Vyp. 4: Gagara – Gushha. – SPb.: Nauka, 2011. – S. 5–43.
2. Kovtun, L. Ja. Osnovnaja ideja shahmatovskoj leksikografii [Tekst] / L. Ja. Kovtun // Voprosy jazykoznanija. – 1971. – № 2. – S. 62–68.
3. Lapteva, O. A. Pis'ma A. A. Shahmatovu k V. Jagichu ob istoricheskom slovarе russkogo jazyka [Tekst] / O. A. Lapteva // Voprosy jazykoznanija. – 1961. – № 1. – S. 115–120.
4. Larin, B. A. Razgovornyj jazyk Moskovskoj Rusi [Tekst] / B. A. Larin // Nachal'nyj etap formirovanija russkogo nacional'nogo jazyka. – L., 1961. – S. 22–34.
5. Perepiska A. A. Shahmatova s akad. I. V. Jagichem (1881–1894) [Tekst] / A. A. Perepiska // A. A. Shahmatov. 1864–1920: sb. statej i materialov. – M.-L., 1947. – S. 13–104.
6. Proekt obihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi HVI–HVP vekov [Tekst]; pod red. O. S. Mzhel'skoj. – SPb, 2000.
7. SORJa – Clovar' obihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi HVI–HVP vekov. – Vyp. 1–4. – S. – Peterburg. – 2004–2010 (izdanie prodolzhaetsja).
8. Shherba L. V. Opyt obshhej teorii leksikografii [Tekst] / Shherba L. V. // Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike. – L., 1958.